



Е. В. ТАРЛЕ

М. А. Бакунин

Немного произвела русская история на свет таких людей, как М. А. Бакунин. Герцен в блестящей своей характеристике личности Бакунина говорит: «К страсти проповедования, агитации, пожалуй, демагогии, к непрерывным усилиям учреждать, устраивать комplotы, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия». Но не в «Галерее шлиссельбургских узников» говорить об этом качестве Бакунина, как об исключительно-редком явлении. У Бакунина характерен весь тот комплекс нравственно-интеллектуальных свойств, который позволил ему стать одним из самых глубоких и значительных философских пророков всевропейской революции до 1848 года; выделиться среди самых активных практических революционеров в 1848–49 гг. и сделаться теоретиком и душой всевропейского анархического течения в последний период своей жизни. Смелость и размах теоретической мысли в нем сливались как-то гармонически и художественно-законченно с личной отвагой и полнейшим пренебрежением к собственной сохранности и, вообще, к каким бы то ни было своим интересам. Это была, прежде всего, чрезвычайно сильная интеллектуальная организация. Те, которые повторяют старые, изъезженные слова, что Бакунин любил брать «готовые мысли» и только доводить их до крайности, доказывают неопровержимым образом свою полную неосведомленность относительно того, какие мысли Бакунин в самом деле застал «готовыми» в европейской общественно-философской жизни, и какие — он сам «изготовил» и пустил в оборот. Мы совершенно отказываемся, например, назвать, кроме Лоренца Штейна¹, хотя бы одного только мыс-

лителя периода до 1848 года, который бы дал такое проникновенное, философски-выношенное и философски-выраженное предсказание общего революционного катаклизма, как то пророчество, которое представляет собою статья «Реакция в Германии», напечатанная им в журнале Руге «Deutsche Jahrbücher» осенью 1842 года и подписанная псевдонимом «Жюль Элизар». И таких случаев в умственной жизни Бакунина было не один и не два; по всем своим привычкам мышления он дальше всего был от типа компилятора. Эта полнейшая умственная самостоятельность сама по себе не могла бы, однако, объяснить того огромного влияния на среду, которым в течение всей своей жизни пользовался Бакунин, — и от которого в большей или меньшей степени, на более или менее продолжительный срок — не ускользал почти никто из имевших с ним дело (Маркс является одним из немногочисленных в этом смысле исключений). Достаточно вспомнить Герцена, который такими любовными, но вместе с тем тонко-юмористическими штрихами охарактеризовал своего друга: даже Герцен, отлично понявший широкую, беспорядочно-порывистую, слишком импульсивную натуру Бакунина, смотревший на $\frac{9}{10}$ всех планов, программ, политических соображений и увлечений Бакунина как на нечто либо вовсе несбыточное, либо неосуществимое в ближайшем будущем, даже этот аналитик и скептик, всю жизнь гордившийся больше всего отсутствием у себя «шишки почтительности» — поддался влиянию Бакунина, когда тот приехал в начале 60-х гг. в Лондон и принялся «революционизировать Колокол». И что характернее всего, — поддался этому влиянию, продолжая сомневаться в рациональности бакунинской программы, а по умственной своей самостоятельности, между тем, Герцен уж ни в каком случае Бакунину не уступал. Цельность и сила бакунинских увлечений захватывали и покоряли. В каждый данный миг — он весь без остатка принадлежал тому делу, которое делал или о котором говорил <...> Он оттого и увлекал собеседника, что для него говорить о «феноменологии духа» являлось в тот момент, когда он о ней говорил, — таким же делом, как оборона Дрездена от прусских войск, или святодуховское восстание в Праге, или поездка с целью помочь польским повстанцам, или организация восстания в Лионе в 1870 году. По способности к возбуждению он оставался и в теоретических, и в практических вопросах всегда одним и тем же. Люди теории и люди непосредственной политической деятельности слишком часто не понимают друг друга, обнаруживают известный антагонизм, — даже если принадлежат к одному и тому же лагерю: тут сказывается больше всего неодинаковая природа импульсов, которым те и другие привыкли подчиняться. В Бакунине заключен

был и сильный теоретик, и неукротимый активный революционер, но ни малейшего раздвоения в его жизни от этого не замечалось. Для него теория и практика сливались воедино, и это было не только единство, выработанное рассудочно, но и вошедшее в его натуру, ставшее содержанием всей его духовной жизни. Эта-то цельность и давала ему силу, от которой даже броня герценовского скептицизма не всегда могла защитить душу человека, приходившего с Бакуниным в соприкосновение; эта цельность и сделала его, по выражению его друга, «одною из тех индивидуальностей, мимо которых не проходит ни современный мир, ни история» <...>

Бакунин бестрепетно смотрит на возможность кровопролития для осуществления его программы: «Ни для него (царя) и ни для кого в мире мы не отступимся ни от одного пункта своей программы. И если для осуществления ее будет необходима кровь, да будет кровь».

Бакунин страшно преувеличивал революционизм тогдашнего настроения в русском народе и предрекал (в 1862 г.) большую беду, если царь не созовет в 1863 году земского собора. И. С. Тургенев, которого Бакунин давно уже раздражал своими увлечениями, — даже пари предложил ему чрез Герцена, что царь в 1863 году ничего не созовет и что 1863 год пройдет «преувеличенно-тихо».

1863 год, однако, «преувеличенно-тихо» не прошел, хотя никакой революции в коренной России не случилось: он принес польское восстание. Бакунин всегда склонен был гораздо более горячо сочувствовать полякам, чем всем прочим не-русским славянам. Отчаянные революционные усилия Польши его привлекали и пленяли. Он весьма существенно способствовал тому, что «Колокол» отказался от той сдержанной ноты, которая в нем сначала была слышна относительно польского дела, — и перешел решительно на точку зрения, практически весьма близкую к точке зрения повстанцев. У Бакунина были широкие (и вполне фантастические) надежды, что польское восстание даст непосредственный толчок самостоятельным восстаниям в западно-русских областях, а также в Украине, на Дону, на Волге. Склонен был он также не замечать действительно существующих националистических тенденций (вроде претензий на восстановление «исторической Польши» и т. п.) и мечтать о том, чего вовсе не существовало, — о демократическом единении всех элементов восстания, о «крестьянской земле», как об одной якобы из целей восстания и т. д. Жажда непосредственной деятельности овладела им. Ему не удалось пробраться в Польшу для вступления в ряды инсургентов; препятствия не дали ему поехать дальше Швеции, где он повел горячую агитацию в пользу поляков, считая существенным сочувствие этой страны и питая несбыточную надежду на шведское вмешательство.

Но его единение с поляками не могло бы быть продолжительным, даже если бы восстание восторжествовало: слишком разительны были коренные различия между убеждениями Бакунина, с одной стороны, и всех без исключения активно выступавших тогда фракций польского общества — с другой стороны. Революционное движение само по себе, независимо от внутреннего содержания выдвигавшейся программы, могло приковывать его всецело к польским делам только пока оно еще длилось. После 1863 года жизнь Бакунина окончательно уходит на дело изготовления того всеевропейского «социального переворота», в неизбежность и, главное, близость которого он верил самым безусловным образом. Еще в 40-х гг. и, в частности, в 1848 году он выдвигал социальные задачи грядущей революции на первый план <...>

Беспокойное внимание широких слоев европейской буржуазии в первый раз Бакунин привлек в 1867 году, когда он воспользовался конгрессом «Лиги мира и свободы», собранным в Женеве, чтобы выступить там с чисто-социалистической декларацией. Он поставил торжество антимилитаризма и идеи всеобщего мира в прямую связь с грядущим социальным переворотом, который изменит все людские отношения. В безобидный праздник буржуазно-демократических разногласий на филантропические темы Бакунин внес тревожную и как бы угрожающую ноту. Окончательно «Лига» разобрала, в чем дело, лишь год спустя, на втором конгрессе, когда Бакунин вздумал заставить «Лигу» формально примкнуть к социалистическим принципам. Конечно, Бакунин и его товарищи потерпели неудачу и основали тогда же «Интернациональный союз социалистической демократии», с целью борьбы за полное социально-экономическое и политическое освобождение и уравнивание людей, за переход земли и всех без исключения орудий производства в коллективную собственность всего общества, за превращение человечества в союз трудящихся ассоциаций, где государственная власть была бы совершенно не нужна в том смысле, как ее теперь понимают. С этого времени анархистская нота звучит у Бакунина все сильнее и сильнее. К проповеди анархии, как идеала общественного устройства в будущем, у Бакунина присоединялась готовность признать неизбежною и ту бурную, разрушительную анархическую эру, которая может, по его соображениям, сменить буржуазный порядок вещей и расчистить место для нового, идеального, безгосударственного уклада. Вот это обстоятельство и сделало Бакунина самым ненавистным и «страшным» из всех теоретиков анархии, — в глазах Лавелэ и других буржуазных критиков. Союз, основанный Бакуниным, примкнул к «Интернационали», руководящим деятелем которой

был Маркс. 1868–1869 гг. прошли для Бакунина в самой оживленной деятельности, прежде всего в агитации между швейцарскими рабочими, среди которых ненавистный Бакунину мелко-буржуазный тип упорно боролся с типом революционно-пролетарским. Бакунин именно и видел задачи «Интернационали» в организации и всяческой поддержке рабочих второго типа. В эти же годы начались или, вернее, возобновились неприязненные отношения между Бакуниным и Марксом. Между этими двумя деятелями с давних пор отношения не налаживались. То они ссорились, то мирились. Еще в 40–50-х гг. Марксу случалось возводить на Бакунина (или чаще, повторять за другими) разные неосновательные обвинения, которые потом брались назад, когда Бакунин или (во время заключения и ссылки) его друзья приводили доказательства ложности предъявленных обвинений. Слишком неодинаковые были у них натуры; а, кроме того, оба были инициаторы, оба были лишены и тени способности подчиняться кому бы то ни было, оба, начиная дела, ни у кого никаких благословений не спрашивали. К этому прибавились и теоретические, и организационные разногласия. Бакунин усматривал в социализме Маркса авторитарность, Маркс и его последователи могли не любить в социализме Бакунина преобладание анархистских принципов. — Нужно, впрочем, отметить наряду с этой враждой, что Бакунин питал огромное почтение к гигантской умственной работе, совершенной Марксом на пользу всемирного пролетариата, — и к результатам этой работы; а Марксу тоже случилось оставить несколько теплых отзывов о Бакунине. Так, он печатно называл его своим другом; печатно же с большим уважением отзывался о его деятельности в качестве одного из начальников обороны восставшего Дрездена от прусских войск.

Теперь, в 1868–69 гг., вражда вспыхнула из-за вопросов организационных и тактических. Маркс потребовал, чтобы бакунинский «Международный союз социалистической демократии», если желает быть в связи с «Интернациональю», — прекратил бы самостоятельное существование и стал, просто, секцией «Интернационали». Летом 1869 года это и случилось, как желал Маркс; спустя полгода окончил свое существование и другое бакунинское общество — тайное — революционных социалистов, о котором мы уже говорили. И которое было основано Бакуниным еще в 1864 году. Но чем ярче оттенялось течение в сторону анархистских принципов, под прямым влиянием Бакунина, — тем хуже должны были делаться отношения между Марксом и Михаилом Александровичем. Опять пошли третейские суды (в 1869 г. между Либкнехтом, обвинявшим Бакунина, что он русский провокатор, — и оклеветанным), примирения, новые ссо-

ры и недоразумения и т. д. — Дело окончилось расколом сначала в романской федерации, причем Бакунин стал на сторону отколовшейся фракции, решительно отрицавшей какую бы то ни было тактику рабочего пролетариата, кроме той, которая способствует подготовке сил для революционной борьбы и приближению момента этой борьбы. Эта фракция считала вредной и реакционной политическую деятельность рабочего класса на почве существующих в буржуазном обществе законодательных учреждений. После этого, в августе 1870 года, Бакунин был исключен из числа членов Женевской секции «Интернационали».

Но в этот момент все внимание Бакунина привлечено было завязавшейся франко-прусской войной и ее возможными последствиями для пролетариата Европы. Он всею душой желал поражения Пруссии, в победах которой усматривал залог прочной и жестокой всевропейской реакции на много лет. В близость русской революции он в это время уже меньше верил, чем прежде. Быть может, разрыв с Нечаевым, которым он вначале страшно увлекся и от которого так много ждал, — быть может, этот разрыв, вызванный горьким разочарованием в молодом революционере, — повлиял на Бакунина в данном случае. Бакунин всячески поддерживал Нечаева, помогал, насколько мог, затеваемым в России Нечаевым предприятиям, — и горько потом каялся, убедившись в том, что Нечаев ему далеко не все говорил и не так говорил, как было согласно с истиною. Нечаевское дело, бесспорно, не принесло пользы Бакунину ни в России, ни в Западной Европе, хотя в действиях, которые Нечаеву ставились в вину (радикальным) общественным мнением, Бакунин никакого участия не принимал. Замечательно, что именно со времени разрыва с Нечаевым мы уже не встречаем ни в писаниях Бакунина, ни в воспоминаниях о нем следов прежней его бодрости и уверенности касательно близости революционной бури в России. — Но с тем большим волнением следил он за событиями войны, принимавшей такой ужасный для Франции оборот. Для Бакунина уже осенью 1870 г. судьбы революции неразрывно связались с судьбами Франции. Пруссию и прусский дух, и юнкерство, бранденбургские традиции и культ казармы, монархизм не за страх, а за совесть — все это Бакунин ненавидел уже давно и вся эта «кнуто-германская» — как он тогда же выразился — сила ликовала и провозглашала свое полное торжество. План Бакунина спасти Францию отличался, конечно, утопизмом и схематичностью, двумя чертами, свойственными, между прочим, вообще его мышлению. Ему казалось возможным повторить 1792 г., всенародный отпор революционных сил Франции неприятельскому нашествию,

но только объединяющим и одушевляющим лозунгом должен на этот раз послужить призывный клич пролетарской революции и пр. и пр. 15 сентября 1870 г. он приехал в Лион, где затевалось революционное восстание против правительства национальной обороны, — восстание в духе позже последовавшей попытки 31 октября в Париже или 18 марта 1871 г. Сейчас же Бакунин поместился в центре действия и подписал прокламацию о созыве революционного конвента. Вспышка произошла (26 сентября), инсургенты² овладели зданием думы, и переполох был наделан во всей стране, но этот успех оказался эфемерным. Начались репрессии, Бакунину удалось спастись и, побывши некоторое время в Марсели, ему пришлось уехать в Швейцарию. В эту страшную зиму и весну он неустанно работал пером, написал яркий памфлет «L'empire knouto-germanique et la révolution slave»³, защищал потом парижскую коммуну от свирепой ругани и клевет буржуазной прессы, а также от нападений ничего даже приблизительно в коммуне не понявшего старика Маццини.

После усмирения коммуны преследования против «Интернационали» начались во всех странах, где только существовали ее секции, — кроме Англии и Швейцарии. Несмотря на это Бакунин продолжал вести деятельную пропаганду. В конце 1871 г. образовалась «Юрская федерация», составленная лицами, недовольными централизацией власти над «Интернациональ» в руках Главного Совета. Бакунин фактически стал главным руководителем и вдохновителем новой федерации, которая, заявляя себя принадлежащей к «интернационали», не скрывала в то же время намерений бороться против попыток центральной организации присвоить себе безусловную власть. Вражда между «Главным Советом»⁴ и Бакуниным возгорелась с новой силой, и на гаагском конгрессе делегатов «Интернационали», 7 сентября 1872 г., Бакунин был исключен из числа членов «Интернационали», причем между прочим против него выставлено было обвинение, пятнающее его репутацию.

Обвинение это (совершенно вздорное) было опровергнуто тотчас же Огаревым, Ралли⁵, Зайцевым и другими выдающимися русскими эмигрантами в торжественном и негодующем протесте, напечатанном за полными их подписями. Но уже все равно ничто не могло спасти «Интернациональ» от раскола. Спустя несколько дней после гаагского конгресса (в том же сентябре 1872 г.) «Юрская Федерация» собрала свой конгресс; к ней примкнули все итальянские, испанские и значительное число французских и американских секций «Интернационали». Этот юрский конгресс объявил, что не признает гаагских

решений и, значит, считает Бакунина членом. В 1873 г. собрался в Женеве общий конгресс, чтобы окончательно установить порядок в «Интернационали»; конгресс этот высказался в пользу автономии, т. е. организационного принципа, отстаиваемого Бакуниным. Но, все равно, «Интернациональ» уже никогда не оправилась от последствий раскола, ничего этот Женевский конгресс, в сущности, не упорядочил и никакого примирения фактически не произвел. «Интернациональ» в эти годы вообще утрачивает бывшее значение, которое переходит к отдельным национальным социал-демократическим и социалистическим организациям.

Последние годы Бакунина прошли на даче итальянского друга Бакунина Кафьери в итальянской Швейцарии. Он долго и трудно болел. Невесело было и на душе у него, если судить по вырвавшимся у него за десять дней до смерти словам, что «народы всех стран утеряли революционный инстинкт».

1 июля 1876 г. Бакунина не стало.

Долгое время самое имя этого замечательного человека было под запретом. Интерес к нему оживляется теперь, когда настала русская революция, которую он так ждал и призывал. Кончая эту беглую заметку, напоминающую главные факты жизни Бакунина, нам хотелось бы выразить надежду, что недалеко то время, когда Бакунин дождется полной всесторонне освещающей биографии, — исчерпывающей историю порывов его мысли и его революционных метаний. Когда такая работа будет сделана, заполнится немаловажный пробел в истории общественных движений середины XIX века.

